

Г. ЧУЛКОВ

Memento mori ¹

Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.

Некрасов

Александр Блок в докладе своем «Интеллигенция и народ», прочитанном сначала в «Религиозно-философском обществе», а потом в «Литературном», раскрывает разнь между двумя началами современной русской жизни и делает мрачные предсказания: на культурных людей надвигается «грудь коренника» той бешеной тройки, которая мчится из глубины наших диких полей. Поэт, по-видимому, предчувствует, что правда, живая и стихийная, на стороне народа, но он отказывается делать какие-либо определенные выводы из этого утверждения и ограничивается тремя вопросами: во-первых, переходима ли черта между интеллигенцией и народом? во-вторых, если нет, остается ли какое-нибудь спасение для культуры, кроме Победоносцевской инерции? и, в-третьих, если да, то как найти пути к народному сердцу?

С историко-социологической точки зрения я не стану рассматривать доклад Блока: жизнь слишком усложнилась, многообразные культурные течения и грубые материальные интересы давно уже раздробили страну на определенные классы и группы, и нет возможности отвлеченно рассуждать по поводу такой произвольной границы, которую проводит Александр Блок.

Но с иной жизненно-практической точки зрения рассуждать о докладе Блока возможно и должно.

Впрочем, возражая своим оппонентам, Александр Блок сделал одну уступку, которая отчасти изменяет самую постановку темы об интеллигенции и народе; Блок признал, что рознь существует не между всей интеллигенцией и народом, а лишь между известной «частью» интеллигенции и той стихийной Русью,

Где все пути и все распутия
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...²

Такая постановка темы изменяет в известной мере и ее сущность, потому что часть интеллигенции, конечно, не связана с той Русью, которая «и во сне необычайна», — но возможно ли утверждать *pars pro toto*?³

Блок по праву мог бы сказать про себя:

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил...

Воистину интеллигенцию нашу нельзя мерить той мерою, которую приложил к ней поэт. «Я, — говорит Блок, — как интеллигент, влюблен в индивидуализм, эстетику и отчаяние». Какое чудовищное непонимание духа нашей интеллигенции!

Неужели не ясно, что все три темы, влюбившие в себя поэта, — «индивидуализм, эстетика и отчаяние» — все эти темы являются предметом ненависти нашего интеллигента? Неужели Блок не понимает, что влюбленность в эти темы есть крайнее декадентство? И неужели не очевидно, что декадентство полярно по отношению к интеллигенции? Интеллигенция, со времен Белинского утверждавшая идею общественности и народолюбия, со времен Писарева провозгласившая парадоксальное «разрушение эстетики»⁴ и, наконец, в лице своих революционеров, объявившая войну апатии и косному отчаянию, — что общего имеет эта интеллигенция с тем орхидейным интеллигентом, который расцветает в декадентской оранжерее?

Образ двойника заслонил Блоку образ интеллигенции, и печать смерти на лице этого двойника Блок принял за печальный знак гибели всего нашего общества. Но напрасно Блок волнуется за судьбу всех этих юношей и девушек, которые рассеяны теперь среди народа — всех этих учителей, врачей, статистиков, газетных работников, пропагандистов, агитаторов, — все они органически связаны с народом. Они умеют и жить с народом и умирать за народ. Правда, порой между грамотным

и неграмотным русским человеком бывают недоразумения, но ведь не очевидно ли, что дух народа не может определяться его темнотой? Нация — по существу — не изменит своей природы, если страна не будет голодной и невежественной. И, надеюсь, Александр Блок не имел в виду этой чисто внешней розни, какая возникает порой в русской действительности между косным обывателем, кто бы ни был он — мужик, мещанин, помещик, и вольнолюбивым и подвижным искателем нового жизненного уклада.

Однако, если мы устраним все эти недоразумения и обратимся к самым корням доклада Александра Блока, мы увидим, что они глубоко внедрились в жизненную правду.

В чем же эта правда? О каком расколе, о каком разделении и розни идет здесь речь?

Я думаю, что рознь действительно существует, но существует она между декадентами, с одной стороны, и народной стихией — с другой. Я разумею под декадентами не только литераторов и — пожалуй даже — менее всего их, а тех случайных, почти всегда талантливых, но погибающих «лириков жизни», которые возникают перед нами время от времени, как живой укор за идеи крайнего индивидуализма, идеи, взлелеянные Фридрихом Ницше, Бодлэром и Оскаром Уайльдом.

Но при чем же тут русская интеллигенция? Она — повторяю — неповинна в грехах наших ницшеанцев, бодлэрианцев — детей европейской культуры конца века.

Я вовсе не склонен умалять значения существующей розни, хотя и не думаю, подобно Блоку, что болезнь крайнего индивидуализма прогрессирует в русском обществе. Вряд ли это так. Но тем не менее, независимо от того, мало или много среди нас таких отщепенцев, трагизм этой розни остается пока неразрешенным.

И этот разлад декадентов с народом (пусть их мало среди нас) значителен и глубоко интересен, потому что психология такого оторвавшегося от народной стихии человека — зловещий симптом не для русской интеллигенции, которая еще девственна и стихийна, как и народ наш, а для личности вообще.

Тема, поставленная Блоком, тема универсальная, а не национальная.

Декадентство переживает кризис. Блок не первый указал на это. И Вячеслав Иванов, и Д. С. Мережковский писали об этом. И мне приходилось писать о кризисе декадентства.

Memento mori воистину прозвучало как пророчество. Но для кого? Только не для русской интеллигенции. Ведь смерть угро-

жает тем, кто не с народом, кто отказался от народной правды, т. е. от жизни, т. е. признал первую часть формулы «неприятя мира» и не признал второй ее части — того «слепительного да», о котором пел нам поэт⁵.

Но наша интеллигенция не знает еще горьких противоречий. Иван Карамазов, искусившийся в противоречиях, в сущности, вовсе не интеллигент: это, быть может, первый декадент наш⁶.

Интеллигенция, несмотря на весь атеизм свой, по природе своей вовсе не мятежна: она строительница жизни народной, она гуманистична, ей только некогда думать об «имени» Бога, но вся она морально безупречна, а религиозно богопокорна. Бунт карамазовский не предстал перед ней как тема реальная. Нет, явно, что Блок «валит» обвинение «с больной головы на здоровую».

И я предлагаю формулировать тему о «неблагополучии» нашем по-иному, а именно: «Декадентство и народ». Тогда интеллигенция отойдет почти целиком к народу, а с декадентами останется кучка «лириков жизни» и, пожалуй, некоторые самоубийцы, о которых упомянул Блок.

Поэт был несправедлив к нашей интеллигенции: он слишком умалил ее добродетели и, с другой стороны, слишком польстил ей, предположив, что она стоит на той высокой ступени культуры, откуда видны последние противоречия нашей жизни и где у слабых кружится голова над раскрывшейся бездной. Интеллигенция наша не забирается на высоты: она у земли и с землей. И благо ей.

У Глеба Успенского есть очерк: «Овца без стада»⁷. В этом очерке фигурирует «балашевский барин», который непрестанно печалует о народе и вечно к нему стремится, но из его хождения в народ ничего не выходит. «Мешает мне мое в высшей степени ложное положение, положение барина... — признается он, — заметьте, что я говорю — мешает положение не интеллигентного человека, а просто барина»...

Я боюсь, что Блок попал в это «ложное положение», как выражается герой Глеба Успенского. И это вовсе не значит, что у Блока нет связи с народом, с Россией. Охотно верю, что такая связь имеется, но не там она, где думает Блок. Любовь к народу и родной стране вовсе не требует тех самообличений, которыми так увлекся поэт, — и того хождения в народ, которым занялся «балашевский барин». И все мы, русские грамотные люди, праведные и грешные, баре и разночинцы, не менее, чем неграмот-

ные русские люди, любим Россию целомудренной и таинственной любовью. Все мы — сама Россия.

Но иные из нас — немногие, декаденты — погибают, несмотря на глубокую и молчаливую любовь свою к родине. Этого отрицать я не стану. Но гибель этих немногих декадентов определяется особой причиной — неумением преодолеть крайний индивидуализм, найти путь к общественности, но этот разрыв между личностью и общественностью вне категорий интеллигенции и народа.

